

Научная статья

УДК 94(470+479.22) "1801/1812"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

ГРУЗИНСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1801–1812 ГГ.: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (д. 16, ул. Ковалевской, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
urushadze85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу процесса административно-политической интеграции грузинских территорий в пространство Российской империи. Рассматриваемый хронологический период (1801–1812 гг.) охватывает время от вхождения в состав Российского государства Восточной Грузии (Картли-Кахетии) до Кахетинского восстания 1812 г. **Материалы и методы.** Статья основана на широком комплексе опубликованных исторических источников. В теоретическом отношении исследование построено на анализе воздействия региональных политических событий и условий на определение правительственного курса. **Анализ.** В статье подробно проанализированы различные административные модели, которые использовались российским правительством в процессе интеграции грузинских земель на этом этапе. Восточная Грузия вошла в состав Российской империи как Грузинская губерния. В статье показано, что систему управления этим регионом можно считать кооперативной моделью управления, для которой характерно взаимодействие различных политических режимов при общем контроле имперской метрополии. Западногрузинские территории в начале XIX в. входили в состав России на правах широкой административной автономии, что соответствует косвенной модели управления. Переход к модели косвенного управления и в Восточной Грузии обсуждался при выборе правительственного курса на южной окраине империи. Кахетинское восстание 1812 г. стало не только одним из самых масштабных кризисов российской администрации, но и явилось важным рубежом в поиске административно-

политического оптимума в регионе. Последующие проекты интеграции грузинских территорий уже не рассматривали косвенное управление как возможную альтернативу. **Результаты.** Итогом неурядиц и проблем в организации управления на грузинских территориях стало формирование имперской элитой представлений о едином политико-правовом пространстве как императиве государственного строительства. Это станет особенно заметно уже в эпоху царствования Николая I.

Ключевые слова: Российская империя, Грузия, управление, Кавказ

Для цитирования: Урушадзе А. Т. Грузинские территории в системе государственного управления Российской империи, 1801–1812 гг.: поиск оптимальной модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 537–544. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 231800649, «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/231800649/>).

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

GEORGIAN TERRITORIES IN THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1801–1812: THE SEARCH FOR AN OPTIMAL MODEL

Amiran T. Urushadze

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Researcher

urushadze85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the process of administrative and political integration of Georgian territories into the Russian Empire. The chronological period under consideration (1801–1812) covers the time from the entry into the Russian state of Eastern Georgia (Kartli-Kakheti) to the Kakhetian Uprising of 1812. **Materials and Methods.** The article is based on a wide range of published historical sources. Theoretically, the study is based on the analysis of the impact of regional political events and conditions on determining the government course. **Analysis.** The article analyzes various administrative models that were used by the Russian government in the process of integrating Georgian lands at this stage. Eastern Georgia became part of the Russian Empire as the Georgian Province. The article shows that the management system of this region can be considered a cooperative management model, which is characterized by the interaction of various political regimes under the general

control of the imperial metropolis. West Georgian territories in the early nineteenth century. They were part of Russia with the rights of broad administrative autonomy, which corresponds to an indirect management model. The transition to a model of indirect governance in Eastern Georgia was also discussed when choosing a government course on the southern outskirts of the empire. The Kakheti uprising of 1812 became not only one of the largest crises of the Russian administration, but also an important point in the search for an administrative and political optimum in the region. Subsequent projects for the integration of Georgian territories no longer considered indirect governance as a possible alternative. **Results.** The result of the troubles and problems in the organization of governance in the Georgian territories was the formation by the imperial elite of ideas about a single political and legal space as an imperative of state construction. This will become especially noticeable already in the reign of Nicholas I.

Keywords: Russian Empire, Georgia, Governance, Caucasus

For citation: Urushadze AT. Georgian Territories in the System of State Administration of the Russian Empire, 1801–1812: the Search for an Optimal Model. *Humanities and lawresearch*. 2024; 11(3):537–544 (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00649 “Formation

of the Public Sphere In Russia in the Second Half of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Communicative Practices and Channels of Social Interaction,” <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Присоединение новых территорий являлось не только символом военнополитической мощи государства, но и также всякий раз было вызовом для политической системы, проверкой ее прочности и стабильности. Начиная с уже классической работы А. Каппелера [16], эффективность государственной системы Российской империи измерялась успешностью интеграции вновь присоединенных окраин. При таком взгляде имперский центр подбирает для каждой окраины определенные политические и социально-экономические рамки, отсекает острые углы в виде реальной или мнимой оппозиции, встраивает периферию в общую государственную систему. Отношения в такой системе «центр–периферия» напоминают улицу с односторонним движением: метрополия действует и преобразует, а окраина выступает объектом предпринимаемых трансформаций. При этом активные действия имперского центра могут оцениваться в широком диапазоне: от едва ли не благотворительного этнопатернализма [20] до почти варварского колониализма [33].

Материалы и методы. Все это говорит о существовании пределов использования этой схемы описания многообразного имперского опыта, в том числе его российского случая. Перспективной альтернативой может стать история взаимодействия внутри имперского пространства. Речь идет не только о взаимодействии, ограниченном региональным пространством, где встречаются акторы, которые представляют различные стороны. Подобное взаимодействие, сценой которого выступала окраина как своеобразная лаборатория империи, получило всестороннее описание в историографии [19]. Необходимо взгляд на взаимодействие, которое изменяло не только окраину, но заставляло меняться имперский центр. Подобные процессы представляется возможным увидеть через анализ правительственных дискуссий, новое прочтение проектов освоения имперских окраин, сопоставление административных режимов и политических планов. В целом, это можно назвать публичной сферой государственного управления. Предлагаемая статья написана с целью сформулировать основные начала теории и практики этого подхода на примере социально-экономической и административно-политической интеграции грузинских земель в пространство Российской империи.

Анализ. Особенности системы управления Российской империи на рубеже XVIII – XIX вв.

В результате реформ Петра I Великого в системе российского государственного управления сосуществовало несколько разнонаправленных векторов развития административнополитического устройства. В основном сложилась центральная бюрократия, сформировались отраслевые институты управления. Как отметил Н.И. Павленко, «в годы административных реформ Петра I сложился новый механизм управления страной... была создана стройная система органов управления, компетенция которых распространялась на всю страну» [21, с. 16]. Однако эти масштабные изменения

в системе государственного управления не были следствием реализации какого-либо стратегического плана. Петровские административные реформы, как показал Е. В. Анисимов, были ответом на вызовы Северной войны (1700–1721) [7, с. 97–98]. Общим местом в историографии стал тезис о влиянии на государственные преобразования Петра I западноевропейских камералистов, которые в своих трудах (зачастую и в служебной деятельности) эффективно объединяли политическую теорию и административную прагматику [14].

Вместе с тем, целостное концептуальное видение процесса и целей государственного строительства у Петра I сложилось только в последние годы жизни. Свой проект «ментального государства» великий российский реформатор так и не реализовал в полном объеме [18, с. 15–16]. Наряду с рационализацией управления и формированием профессиональной бюрократии, действующей на основе должностных регламентов, внутри российской государственной машины оставалось место для развития неформальных отношений. Различные формы протекции и протектирования, а также сети патрон-клиентских отношений эффективно дополняли систему «регулярного государства». По словам авторов фундаментального исследования, посвященного русскоукраинским неформальным связям в контексте управления Гетманщиной, «в условиях несовершенства и затянутости формальных процедур, что было связано со слабой бюрократизацией и сохранением в государственной администрации господствующего положения дворян, а также при наличии условий в виде больших пространств империи и гетерогенности ее территорий, неформальные отношения как метод управления получили важные преимущества, что и обусловило их активное использование российскими монархами на протяжении всего XVIII века» [17, с. 717].

Административные реформы Екатерины II и ее преемников также были направлены на рационализацию и унификацию управленческих процедур и процессов, основанных на кодифицированном законодательстве [6, с. 20]. Губернская реформа 1775 г. предполагала передачу части административных полномочий на места, что должно было повысить эффективность работы государственных институтов и ускорить рассмотрение дел, избавить население от «волокиты» [28, с. 189–195]. Однако успех реформы во многом зависел от качества управленцев, которых явно не хватало.

Дефицит квалифицированных кадров, людей «право разумеющих», являлся главной проблемой административного реформирования в XVIII в. «Новые учреждения должны были, по мысли их творцов, перевернуть управление русской провинцией, но для этого нужно было создать “новую породу людей”, а если об этом без всякого успеха мечтали в екатерининское время, то не мудрено, что при Петре жизнь горько посмеялась над реформаторами» [11, с. 9], – писал историк Ю.В. Готье.

К началу XIX столетия российское правительство все еще не имело хотя бы общей стратегии управле-

ния огромным территориальным пространством. На это императору Александру I откровенно указывал М.М. Сперанский в 1802 г.: «История России от времен Петра Первого представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток твердых начал был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали» [29, с. 56].

Еще более ярко мысль о постоянном колебании правительственного курса выразил историк Ф. И. Уманец, служивший в пореформенных институтах местного самоуправления: «Если бы где-нибудь устроилась выставка "планов всеобщего государственного преобразования", самый роскошный ее отдел, без сомнения, принадлежал бы русскому народу и правительству» [30, с. 99]. «Молодые друзья» Александра I во главе с А.А. Чарторыйским в начале 1802 г. активно обсуждали состояние системы управления России. Они пришли к неутешительному выводу о господстве в государственном хозяйстве империи полного хаоса и необходимости скорейших и тотальных преобразований [27, с. 203–204]. Однако «молодые друзья» были не единственной придворной политической силой. Не меньшее влияние на ход дел имела «старая» партия, состоявшая из сановников, участвовавших в заговоре против Павла I. Эта группа рассчитывала на ограничение власти императора, что стало бы надежным предохранителем от монаршего деспотизма.

Соответственно, преобразования системы управления 1801–1802 гг. (учреждение Непременного совета и министерств, реформа Сената) стали компромиссом, порожденным противоборством придворных группировок. Как отметила Л. Ф. Писарькова, «преобразования начала царствования Александра I не упростили, а усложнили здание администрации. Законодателям не удалось воплотить в жизнь принцип разделения властей, и функции высших учреждений по-прежнему смешивались; их место и роль в системе управления определялись не законом, а волей и отношением к ним императора» [22, с. 99].

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. система государственного управления Российской империи отличалась гибридной динамикой. С одной стороны, непрерывно действовали векторы развития, направленные на рационализацию и бюрократизацию (профессионализацию) управления и административных процедур. С другой стороны, внутри системы управления определяющими оставались неформальные технологии и воля монарха. Отсутствие институциональной стабильности создавало условия, которые превращали любое территориальное расширение империи в большой административный вызов.

Присоединение грузинских территорий: между кооперативной администрацией и косвенным управлением

Георгиевский трактат 1783 г. создал политические предпосылки к вхождению Восточной Грузии (Картли-Кахети) в состав Российского государства. Персидское разорение 1795 г., конкуренция аристократических кланов, обострившаяся после смерти Ираклия II в 1798 г., политическая слабость царя Георгия XII – все это предопределяло движение Восточной Грузии в сторону полной интеграции с империей Романовых. Уже в ноябре 1799 г. в Тифлис прибыл 17-й егерский полк, которым командовал генерал-майор И.П. Лазарев. Одновремен-

но со вступлением российских войск в Восточную Грузию, в обратном направлении – в Петербург – отправились послы Георгия XII: Г. Чавчавадзе, Г. Авалишвили и Е. Палавандишвили. Георгий XII поручил послам «отдать» Восточную Грузию «в полную власть» российского императора: «Так чтобы отныне царство Грузинское было бы в империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России» [1, с. 229].

Однако в Петербурге ясных представлений о механизмах и формах интеграции Восточной Грузии не существовало. Вероятно, рассматривались два альтернативных варианта включения новой территории: присоединения в качестве вассального царства или в виде новой российской губернии [15, с. 1]. После скоростной смерти царя Георгия XII 28 декабря 1800 г. во главе Восточной Грузии оказался царевич Иоанн – один из самых талантливых грузинских государственных деятелей рубежа XVIII–XIX вв. Но уже в феврале 1801 г. в Тифлисе торжественно читали манифест императора Павла I, в котором отмечалось, что присоединение Восточной Грузии было вызвано необходимостью ее защиты от внешних врагов и внутренних усобиц, о чем российского монарха просил Георгий XII [24, с. 502]. В павловском манифесте отсутствовало описание формы управления вновь присоединенной окраиной. Этот вопрос откладывался до получения сведений об общем политическом и социально-экономическом состоянии Восточной Грузии. Соответствующее описание должен был предоставить генерал К.Ф. Кнорринг. Видимо, Кнорринг не вполне удачно справился со своей задачей. В письме к нему генерал-прокурор Правительствующего Сената П.Х. Оболянинова от 4 марта 1801 г. написано: «По содержанию данных вам предписаний должны вы были ограничить себя тем, чтобы дать сведение – как будет пристойнее по местному положению разделить сторону сию на уезды, на сколько и на какие именно, каковое сведение, ежели есть что-нибудь присовокупить в дополнение к тем, кои по сему предмету от вас уже присланы, немедленно ко мне доставить» [2, с. 417].

Нестабильность политической ситуации в Восточной Грузии, проявлявшаяся в противостоянии аристократических группировок, накладывалась на отсутствие программы инкорпорации окраины у российского правительства. Итогом такого положения стала управленческая чехарда. В феврале 1801 г. вернувшиеся из имперской столицы послы Авалишвили и Палавандишвили публично заявили, что управлять Восточной Грузией назначен старший сын Георгия XII – царевич Давид [15, с. 2]. Опекать царевича должен был командующий российскими войсками в регионе генерал Лазарев. Однако царевич Давид повел себя самовластно и использовал свое положение для разгрома партий других грузинских царевичей – претендентов на престол Багратионов.

Весной 1801 г. в Восточную Грузию прибывали дополнительные войска (Кабардинский мушкетерский полк) и гражданские чиновники. Тем не менее, вопрос об административном управлении присоединенной территории продолжал оставаться открытым. Неизбежно возникали проблемы со снабжением и содержанием как военных контингентов, так и прибывших бюрократов.

Павел I успел определить будущую систему управления вновь присоединенной окраины в указе от 6 марта 1801 г. «Об управлении Грузии» [24, с. 566–567]. Этот документ опирался на принципы административных преобразований павловского времени – централизация

и вертикальность системы управления [23, с. 497–498]. Грузинская губерния, состоявшая из двух провинций – Карталинской и Кахетинской – поручалась заботам генерал-губернатора, ответственного перед Сенатом. Вопросы гражданского управления губернии разрешал губернатор и губернское правление, что соответствовало общероссийской административной практике. Однако спустя несколько дней император Павел I погиб в результате заговора, и намеченный план по интеграции Восточной Грузии был отложен.

Прибывшему в Тифлис в мае 1801 г. генералу Кноррингу, обличенному доверием молодого императора Александра I, генерал Лазарев задал вопросы, которые показывают степень неопределенности имперской политики в регионе. Лазарев спрашивал о способах обеспечения войск дровами и свечами, а также о содержании чиновников: «Как многие здесь чиновники имеют места единственно для собственного их пропитания им служащие и берут со вверенных им частей деньги и вещи без всякого человечества, от чего все почти жители Грузии весьма претерпевают, то как в сем, дабы жители, а равно и чиновники ни малейших нужд не претерпели, поступать приказано будет?» [2, с. 420]. Кнорринг оставлял довольствие чиновников за счет населения, но рекомендовал «не допускать злоупотреблений» под угрозой лишения мест и строгих наказаний [2, с. 420]. Понятно, что такое положение не могло продолжаться долго и наведение хотя бы общего административного порядка являлось главной задачей российских властей.

Летом 1801 г. в Восточной Грузии начало работу временное правительство, которое возглавил генерал Лазарев. Это правительство должно было «удержать внутреннее в земле устройство, доколе о Грузии последуют решительные высочайшие повеления» [2, с. 423]. В состав правительства вошли как российские чиновники, так и представители грузинской элиты, занимавшие ключевые государственные должности еще при Ираклии II. Суд работал по «обычаям страны» за исключением чрезвычайных и уголовных дел [15, с. 3]. Перед временным правительством не стояло никаких серьезных задач. Это был контролируемый режим ожидания. По сходному сценарию события развивались в случае с присоединением Крыма в 1783–1784 гг., когда российская администрация на период транзита власти сохранила институты управления уже упраздненного Крымского ханства [26, с. 21].

В Петербурге не было единства во взглядах на политическое будущее Восточной Грузии. Обсуждение этого вопроса проходило в Непременном совете – высшем совещательном институте при российском императоре. Сторонником присоединения Восточной Грузии в качестве одной из российских губерний являлся П. А. Зубов (последний фаворит Екатерины II), который, видимо, опирался на донесения находившегося в Тифлисе генерала Кнорринга. Во всеподданнейшем рапорте от 28 июля 1801 г. Кнорринг отмечал, что грузинам не под силу отстоять независимость перед угрозой, исходящей от Персии. Кроме того, рапорт содержал сведения о поддержке идеи присоединения к России со стороны части грузинской аристократии и большинства народа [2, с. 425–429]. Здесь же генерал Кнорринг предлагал основы административно-территориального устройства Восточной Грузии в составе Российской империи. Главный принцип нового управления был сформулирован так: «Непосредственное введение в Грузию по-

рядка в России существующего произвело бы в грузинских обитателях чувствительный переворот» [2, с. 429]. Кнорринг предлагал создать на территории Восточной Грузии одну губернию с разделением на две области – Карталинскую и Кахетинскую. В институтах губернского и местного управления предусматривалось участие грузинских князей и дворян. Суд предполагалось отправлять по «местным обычаям», дела уголовные выделялись в юрисдикцию Комиссии уголовного или военного суда, которая заседала в губернском городе – то есть в Тифлисе [2, с. 430].

Против присоединения Восточной Грузии к Российской империи выступили граф В. П. Кочубей, входивший в ближайшее окружение Александра I, и А. Р. Воронцов – ветеран государственной службы. Оба были известными противниками территориальных приращений и считали, что правительству необходимо больше внимания уделять вопросам внутреннего развития. Словники предупреждали о больших и неизбежных финансовых издержках включения Восточной Грузии в состав империи, а также предвещали конфликт с великими мусульманскими державами [8, с. 1200].

И все же в большинстве оказались сторонники присоединения Восточной Грузии. Манифест императора Александра I «к грузинскому народу» 12 сентября 1801 г. как и положение об управлении Восточной Грузией подготовил П. А. Зубов при деятельном участии правителя канцелярии генерала Кнорринга П. Г. Буткова, который успешно совмещал работу чиновника и научную деятельность по изучению Кавказа [10, с. 483–488].

Одобренное императором Александром I положение об управлении Восточной Грузии во многом сходно с административным планом Павла I и предложениями генерала Кнорринга. Новая окраина разделялась на пять уездов, из которых три в Картли (Карталинии) и два – в Кахетии [24, с. 784]. Во главе региональной администрации находился главнокомандующий, в фигуре которого совмещалось командование над войсками и руководство гражданскими делами. Ближайшим помощником главнокомандующего являлся правитель – российский чиновник, отвечавший за последовательность всех гражданских дел и защиту общеимперской законности.

Наряду с принципами единоначалия в управлении Восточной Грузии присутствовала и административная коллегиальность, которая воплотилась в Верховном грузинском правительстве. Этот институт управления включал, в том числе представителей грузинской аристократии и должен был стать гарантией преемственности в процессе транзита власти. Верховное грузинское правительство состояло из четырех экспедиций: исполнительной, казенной и двух судебных: по уголовным и гражданским делам [24, с. 784–785].

Исполнительная экспедиция выполняла функции стандартных губернских правлений, ее возглавлял правитель Грузинской губернии. Кроме правителя в состав исполнительной экспедиции входили два советника: один из русских чиновников, другой – из грузинских аристократов. В трех остальных экспедициях начальниками были русские чиновники, при которых были четыре советника из числа местной грузинской элиты. Высшей инстанцией являлось Общее собрание верховного правительства, куда входили начальники экспедиций и все советники, а председательствовал главнокомандующий [24, с. 785].

Сходным образом была выстроена и система управления на уездном уровне. В каждом уезде Грузинской губернии создавались две коллегии – уездный суд и земская полиция. Суд возглавлял уездный судья из русских чиновников, которому помогали судьи-мсаджули из местного грузинского дворянства. Уездной полицией командовал русский капитан-исправник, под его началом состояли двое помощников-есаулов из грузинских дворян.

Такая административная модель не вполне соответствует практикам косвенного управления (*«indirect rule»*), которые подразумевают политическую опору на посредников, пользующихся широкой автономией в своих «доменах» взамен на символическую лояльность [34, р. 3]. Именно косвенное управление считается одной из характеристик колониальных империй. Российская империя в ходе интеграции новых территорий во второй половине XVIII – начале XIX вв. вводила новые административные режимы, составной частью которых выступали местные элиты и правовые уклады. Еще до присоединения Восточной Грузии похожий административный механизм был запущен в Крыму.

Сразу после присоединения полуострова в 1783 г. управление новой окраиной осуществляло, в том числе Крымское правительство, состоявшее из представителей крымско-татарской знати [26, с. 24]. В феврале 1784 г. последовало положение «Об устройстве Таврической области», которое предусматривало активное участие в работе новых административных институтов местных элит. При этом крымско-татарская элита рекрутировалась не только в низовые административные институты, но и в областные правления [26, с. 25–26]. Советником областного правителя В.В. Каховского являлся Мекмедша Мурза Ширинский, а заседателями Верхней расправы – судебного органа Таврической области – были также знатные крымские татары: Хайридин-бай, Фузулла-бай, Осман-бай [9, с. 252].

Административные институты Крыма и Восточной Грузии после присоединения к Российской империи включались в общую государственную систему управления, но их формирование было направлено, в том числе, на интеграцию местных элит в общее политическое пространство. Кроме того, имперская администрация адаптировала местные правовые традиции, которые продолжали оставаться актуальным регулятором повседневной жизни населения. Такую модель управления можно назвать кооперативной администрацией – то есть системой, основанной на сотрудничестве элит и взаимодействии нескольких политико-правовых традиций.

Уже после открытия работы Верховного грузинского правительства и его четырех экспедиций последовала реорганизация управления Новороссийского края. В соответствии с указом Александра I от 8 октября 1802 г. большая Новороссийская губерния, созданная в период административных преобразований Павла I, разукрупнялась с выделением трех отдельных единиц – Николаевской, Екатеринославской и Таврической губерний. Структура последней предполагала Таврическое губернское правительство, состоявшее из двух экспедиций (исполнительной и казенной) и в качестве высшей инстанции – Общее собрание правительства [26, с. 37]. Параллели со структурным устройством Грузинской губернии 1801 г. очевидны.

Иначе выстраивалась модель управления западногрузинскими территориями – Имеретией, Мингрелией и Гурией. Правители этих грузинских политий, как

и царь Картли-Кахетии Георгий XII, выступили инициаторами установления российского суверенитета в своих владениях. В 1802 г. Мингрельский князь Григор Дадияни вступил в переговоры с российским главнокомандующим на Кавказе П.Д. Цициановым. Итогом стали «просительные пункты», согласно которым правитель Мингрелии признавал власть главы российской администрации в регионе, но сохранял за собой и своими наследниками титул и право автономного управления княжеством [25, с. 265–266]. Административная автономия Мингрелии продержалась до 1857 г., когда в результате внутреннего политического кризиса владение было подчинено кутаисскому генерал-губернатору. Спустя еще десять лет, в 1867 г. последний мингрельский владетельный князь Николай Дадияни отказался от своих наследных прав [25, с. 271].

Отчасти по «мингрельскому сценарию» происходила интеграция в российское административное пространство Имеретинского царства. В 1804 г. имеретинский царь Соломон II подписал «просительные пункты» о вступлении в российское подданство с условием сохранения наследных прав и автономного управления Имеретией. Кроме того, Соломон II смог получить право непосредственного обращения к российскому императору, в том числе с жалобами на региональную имперскую администрацию [1, с. 264]. Соломон II не доверял российской администрации, опасаясь, что его может ожидать судьба других Багратионов, высланных из Восточной Грузии в Петербург и другие российские города. Это недоверие было взаимным. Главнокомандующий И. В. Гудович и правитель Грузии П. М. Литвинов действительно планировали в 1808–1809 гг. «отозвать в Россию» Соломона II [4, с. 4]. В 1810 г. имеретинский царь бежал в Османскую империю, в Имеретии было установлено прямое российское правление, но в тесном сотрудничестве с местными элитами.

В 1810 г. в российское подданство вступил гурийский владетельный князь Мамия Гуриели, который также сохранял за собой и за своими наследниками титул и административную автономию. Последняя фактически просуществовала вплоть до смерти Мамия Гуриели в 1826 г., после которой автономный статус Гурии казался российскому правительству все менее оправданным. В 1828 г. император Николай I упразднил Гурийское княжество [25, с. 264].

Опыт управления западногрузинскими землями в начале XIX в. соответствует модели косвенного управления. Положение Мингрелии, Имеретии, а позднее Гурии сильно отличалось от кооперативной администрации, введенной в Восточной Грузии. При этом, в Восточной Грузии (Грузинской губернии) в 1801 – 1804 гг. регулярно вспыхивали волнения населения, недовольного новыми порядками. Работа административных институтов была парализована взаимным непониманием властей и населения, дефицитом чиновников и надежных переводчиков. Глава региональной военной и гражданской администрации П. Д. Цицианов едва ли не в отчаянии докладывал Александру I: «Вникая в нравы грузинского народа, усматриваю я из частных опытов, что всякое образованное правление до времени останется в Грузии без действия» [3, с. 45].

Неутешительные доклады Цицианова вкупе с растущими расходами на административное обеспечение Грузинской губернии заставили императора Александра I сомневаться в правильности выбранной модели управления. 8 июля 1804 г. министр внутренних дел

В. П. Кочубей писал Цицианову, что в Петербурге обсуждалась идея, «что может быть и в Грузии можно было бы учредить правление, некоторым образом соответственное тому, которое существует в Мингрелии и Имеретии» [3, с. 51]. Речь шла о восстановлении в Восточной Грузии власти династии Багратионов, или же о назначении полномочного наместника («чиноначальника») с широкими административными правами. Кочубей подчеркивал, что реставрация Багратионов только идея, а не правительственный план, поэтому ожидал от Цицианова сильного мнения по этому вопросу.

Судя по всему, Цицианов не поддержал идею, сформулированную Кочубеем. Об этом говорит то, что в конце того же 1804 г. грузинский главнокомандующий предложил план модернизации институтов управления в регионе, который получил одобрение Александра I. Во-первых, грузинские дворяне, возглавлявшие низовую администрацию (моуравы), были подчинены уездным начальникам из русских чиновников. Во-вторых, полицмейстеры (нацвалы) в городах Грузинской губернии теперь назначались главнокомандующим, а не выбирались из местного дворянства как ранее. В-третьих, было разрешено подавать прошения в административные институты на грузинском языке и «не по форме» [3, с. 52].

В качестве еще одной меры к повышению эффективности местной администрации Цицианов предлагал ввести должность окружного начальника – полномочного хозяина в своем уезде. Цицианов отмечал, что грузины охотно подчиняются «не закону, а лицу» и потому необходимо «возвысить и привести в уважение начальство уездное» [3, с. 46]. Главнокомандующий считал, что лучше всего доверить должность окружного начальника отставным военным, «поелику здесь военное ремесло в великом уважении» [3, с. 46]. Этот проект получил лишь частичную поддержку в Петербурге. Окружные начальники были поставлены во главе уездных судов, но экспедиции Верховного грузинского правительства оставляли за собой прерогативу контроля и инспекции местных властей. Однако интереснее то, что по мысли и структуре проект Цицианова был схож с идеологией системы военно-народного управления, введенной на Северном Кавказе в начале 1860-х гг. Суть ее, по словам Р.А. Фадеева, заключалась в следующем: «замещение деспотического произвола туземных правителей просвещенным произволом европейских агентов, связанных духом, а не буквой системы» [31, с. 269].

Энергичные действия Цицианова сохранили в Восточной Грузии кооперативную административную систему, которая строилась на взаимодействии общеимперских и региональных политико-правовых режимов. Западную Грузию российские власти контролировали посредством косвенного управления, сохранившего местные династии и их власть.

Кахетинское восстание 1812 г. и его последствия

Восстание в Кахетии стало одним из наиболее масштабных социально-политических протестов на территории Южного Кавказа в первой половине XIX в. В дореволюционной историографии эти события анализировались в общем контексте утверждения российского суверенитета на Кавказе. Н. Ф. Дубровин и В. А. Потто отмечали, что восстание стало следствием неблагоприятных и экстремальных по своему характеру обстоятельств: эпидемия чумы и неурожай. Чуму занесли в Восточную Грузию отступавшие от Ахалци-

ха российские войска в 1810 г. Несмотря на активные меры российской администрации по предотвращению распространения болезни, чума была причиной многочисленных смертей среди мирного населения [13, с. 1].

В том же году Кахетию, Картли и, особенно, Имеретию заливали проливные дожди, которые уничтожили посевы, вызвали разлитие рек и, как следствие, затопление полей. В результате население лишилось средств к пропитанию и начало голодать. По данным Н. Ф. Дубровина, жертвами голода в одной Имеретии стали более 12 тыс. человек [13, с. 2]. Хлеба не доставало даже дворянским и княжеским семьям, остальные жители Имеретии молили желуди и виноградные косточки [32, с. 416].

На фоне этих неурядиц российская администрация сделала несколько ошибок, которые окончательно подорвали доверие грузинского населения. Командующий Отдельным Грузинским корпусом и управляющий гражданской частью в Грузии Ф. О. Пауллуччи (1811–1812) принял решение закупать хлеб для снабжения армии по заниженным в два-четыре раза ценам. По мнению Н. Ф. Дубровина, российский командующий исходил из того, что ранее грузинское население поставляло продовольствие бесплатно, а, значит, минимальная плата за него будет воспринята с благодарностью [13, с. 5–6]. Но Ф. О. Пауллуччи просчитался: население Картли и Кахетии отказалось продавать хлеб по установленным ценам. Хлебный кризис стал одним из спусковых механизмов Кахетинского восстания.

В феврале 1812 г. восставшие контролировали почти всю Кахетию и даже провозгласили новым грузинским царем Григория Иоанновича – внука Георгия XII и сына царевича Иоанна Георгиевича, который жил в Москве. В Кахетинском восстании также принял участие еще один представитель грузинской царской фамилии – Александр Ираклиевич – сын Ираклия II и последовательный противник российского суверенитета в Восточной Грузии. Полностью подавить восстание российская администрация смогла только в декабре 1812 г.

Потрясение администрации было столь сильным, что еще в марте 1812 г. Пауллуччи учредил в Тифлисе специальную Комиссию исследования причин произошедшего в Грузии бунта. «Предмет сей комиссии долженствует состоять в том, чтобы дознать на самой истине, от чего кахетинский народ вооружился против войск его императорского величества; какие были причины, подвигшие оный к сему гибельному предприятию и с которого времени в Кахетии начала тлеться искра мятежа?», – писал в инструкции члену комиссии российский главнокомандующий [5, с. 64].

Комиссия запросила мнения о причинах мятежа у местных светских и духовных властей. Эти материалы были использованы Пауллуччи при подготовке всеподданнейшего рапорта от 26 марта 1812 г., в котором основными причинами восстания Кахетии были названы: враждебная агитация Персии, корыстные интересы представителей грузинского царского дома, двухлетний неурожай, злоупотребления и «безнравственность» российских чиновников, «зверский характер» и «непостоянство» местных жителей, тотальное недовольство грузинского дворянства новыми порядками [5, с. 67].

Кахетинское восстание стало важным рубежом в процессе интеграции грузинских территорий в российскую административную систему. Осенью 1812 г. царевич Давид Георгиевич, с 1803 г. проживающий в Петербурге, представил министру внутренних дел О.П. Козодавле-

ву записку «О лучшем устройстве Грузии» [12]. В этом документе царевич Давид, прямо ссылаясь на события Кахетинского восстания как признак глубоко кризиса российской администрации в регионе, предлагал радикальный пересмотр модели управления грузинскими территориями. Ключевым положением проекта было утверждение, что необходимо «присоединение в управление Грузией одного из царевичей» [12, с. 132]. Во главе российской администрации, по замыслу царевича Давида, должен был находиться своеобразный дуумвират из «лица особенною монаршею доверенностью облеченному» и грузинского царевича из Багратионов, «который признается к тому способнее» [12, с. 133–134].

Кроме того, этот проект предполагал сокращение российского военного контингента и возвращение к системе грузинского ополчения («мориге»), а также полное восстановление всевластия моуравов на местах. Фактически, речь шла о возвращении политического значения династии Багратионов и установлении в Грузии разновидности косвенного управления. Александр I передал записку царевича Давида на рассмотрение Паулуччи, который уже покинул Кавказ. Паулуччи составил отзыв, в котором подверг обстоятельной критике почти все предложения царевича Давида, в том числе идею административного дуумвирата: «При составлении царевичем Давидом начертания о устройении управления в Грузии руководствовался он не преданностью к России, но склонностью завести между российским в Грузии правительством совместничество в правлении через помещение туда одного из царевичей, от чего по мнению моему не может быть ни пользы для России,

ни блага для его соотечественников» [12, с. 152–153].

Проект царевича Давида не получил поддержки, однако, Паулуччи, как и многие другие российские сановники, был убежден в необходимости реформирования системы управления грузинскими территориями. Кахетинское восстание показало имперской элите, что административный откат к модели косвенного управления, с опорой на Багратионов, опасен перманентной политической турбулентностью. После 1812 г. альтернативы тесной административно-политической интеграции грузинских территорий в состав империи уже всерьез не обсуждались.

Результаты. На рубеже XVIII–XIX вв. российская правящая элита не имела политической стратегии инкорпорации новых территорий. Сама система управления Российской империи, ее административно-территориальная структура находились в неустойчивом положении постоянного (пере)реформирования. История присоединения грузинских территорий показывает, что российское правительство использовало различные административные модели кооперативного и косвенного управления. Административные сложности вкупе с такими масштабными кризисами, как Кахетинское восстание 1812 г., заставляли региональную администрацию и высшую бюрократию искать оптимальный политический баланс. Итогом неурядиц и проблем в организации управления на грузинских территориях стало формирование имперской элитой представлений о едином политико-правовом пространстве как императиве государственного строительства. Это станет особенно заметно уже в эпоху царствования Николая I.

Литература

1. Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 510 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. 827 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. 1238 с.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. 1019 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. 1187 с.
6. Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII–первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 19–60.
7. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
8. Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. 1210 с.
9. Болотина Н. Ю. Потемкин. М.: Вече, 2014. 480 с.
10. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб.: [Б.и.], 1869. 602 с.
11. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М.: Типография Лесснера и Собко, 1913. 492 с.
12. Две записки царевича Давида «О лучшем устройстве Грузии» // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. I. / Ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси: [Б.и.], 1942. С. 121–164.
13. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб.: Типография Березовского, 1887. 502 с.
14. Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 20–29.
15. Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В. А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 528 с.
16. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: «Прогресс – Традиция», 2000. 344 с.
17. Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 1244 с.
18. Ментальное государство Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 668 с.
19. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.
20. Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
21. Павленко Н. И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 2–16.
22. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 456 с.

23. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 742 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVI. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 880 с.
25. Рахаев Дж. Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7. М.: [Б.и.], 2016. С. 238–276.
26. Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 416 с.
27. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 250 с.
28. Середа Н. В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 444 с.
29. Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. 244 с.
30. Уманец Ф. И. Александр и Сперанский: историческая монография. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1910. 171 с.
31. Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 320 с.
32. Эристов Р. Письма из Имеретии // Кавказ. 1857. № 81 от 17-го октября. С. 415–417.
33. Ammon P. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: die Wurzeln des russisch-georgischen Konfliktes vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921) Klagenfurt; Wien: Kitab, cop. 2015. 232 s.
34. Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, 1997. P. 1–11.

References

1. Airapetov OR, Volkhonsky MA, Mukhanov VM. The road to Gulistan. From the history of Russian politics in the Caucasus in the XVIII – first quarter of the XIX century. Moscow: Kuchkovo field; 2016. 510 p. (In Russ.)
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. I. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1866. 827 p. (In Russ.)
3. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. II. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1868. 1238 p. (In Russ.)
4. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. IV. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1870. 1019 p. (In Russ.)
5. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. V. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1873. 1187 p. (In Russ.)
6. Andreeva TV. State administration of Russia in the second half of the XVIII – first quarter of the XIX century: on the issue of citizenship and division into a state converter. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2016;(3):19-60. (In Russ.)
7. Anisimov EV. State transformations and self-regulation of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 1997. 331 p. (In Russ.)
8. Archive of the State Council. In 15 vols. Vol III. part 2. St. Petersburg; 1878. 1210 p. (In Russ.)
9. Bolotina NYu. Potemkin. Moscow: Veche; 2014. 480 p. (In Russ.)
10. Butkov PG. Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part II. St. Petersburg; 1869. 602 p. (In Russ.)
11. Gaultier V. The history of public administration in Russia from Peter to Catherine II. T. I. Moscow: Printing house of Lesner and Sobko; 1913. 492 p. (In Russ.)
12. Two notes by Prince David "On the best structure of Georgia" in Materials on the history of Georgia and the Caucasus. Issue I. Ed. by N.A. Berdzenichevili. Tbilisi; 1942. P. 121-164. (In Russ.)
13. Dubrovin N.E. The history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. V. St. Petersburg: Berezovsky Printing House; 1887. 502 p. (In Russ.)
14. Zubkov K.I. Cameralism as a model of interaction between the state and society: a new reading. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2013;(3):20-29. (In Russ.)
15. Ivanenko V.N. Civil administration of Transcaucasia from the annexation of Georgia to the viceroyalty of Grand Duke Mikhail Nikolaevich. Historical essay in The assertion of Russian rule in the Caucasus. Vol. XII / ed. by VA Potto. Tiflis: Printing house of the Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus; 1901. 528 p. (In Russ.)
16. Kappeler A. Russia – a multinational empire. Moscow: "Progress – Tradition"; 2000. 344 p. (In Russ.)
17. Kiselyov MA, Kochegarov KA, Lazarev YaA. Patrons, servants and friends. Russian-Ukrainian informal relations and the administration of the Hetmanate in the 1700s-1760s. Research and sources. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2022. 1244 p. (In Russ.)
18. Public administration of Peter the Great and the Regions in the first quarter of the XVIII century: Materials and research on the history of public administration in Russia. Ed. by DA Redin. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2022. 668 p. (In Russ.)
19. Miller AI. The Romanov Empire and nationalism: essays on the methodology of historical research. Moscow: New Literary Review; 2010. 316 p. (In Russ.)
20. Mironov BN. Management of ethnic diversity of the Russian Empire. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2017. 640 p. (In Russ.)
21. Pavlenko NI. At the origins of the Russian bureaucracy. *Voprosy istorii*. 1989;12:2-16. (In Russ.)
22. Pisarkova LH. State administration of Russia in the first quarter of the XIX century: Ideas, projects, execution. Moscow: Novy Mir; 2012. 456 p. (In Russ.)
23. Pisarkova LH. State administration of Russia from the end of the XVII to the end of the XVIII century. The evolution of the bureaucratic system. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2007. 742 p. (In Russ.)
24. The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXVI. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. 880 p. (In Russ.)
25. Rakhaev J. The State and Principality of Georgia in the Eastern policy of Russia at the beginning of the XIX century, in History of the peoples of Russia in studies and reports. Issue 7. Moscow; 2016. p. 238-276. (In Russ.)
26. The Russian Empire and Crimea. Ed. by DV Konkin, NI Khrapunov. Simferopol: Publishing House of KFU; 2020. 416 p. (In Russ.)
27. Safronov MM. The problem of politics in the state policy of Russia at the turn of the XVIII and XIX centuries. Leningrad: Nauka; 1988. 250 p. (In Russ.)
28. Sereda NV. The management reform of Catherine the Second: a source study. Moscow: Monuments of historical thought; 2004. 444 p. (In Russ.)
29. Speransky MM. Projects and notes. Moscow; 1961. 244 p. (In Russ.)
30. Umanets FI. Alexander and Speransky: a historical monograph. St. Petersburg: Printing house of MD Lomkovsky; 1910. 171 p. (In Russ.)
31. Fadeev RA. Collected works. Vol. I. St. Petersburg: V.V. Komarov Printing House; 1889. 320 p. (In Russ.)
32. Eristov R. Letters from Imereti in Kavkaz. 1857;81(17):415-417. (In Russ.)
33. Ammon P. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: die Wurzeln des russisch-georgischen Konfliktes vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921) Klagenfurt; Wien: Kitab, cop.; 2015. 232 s. (in Germ.)
34. Tilly Ch. How Empires End in After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Ed. by Barkey K., Hagen M.von. Boulder; 1997. P. 1-11.